(cc) BY

Исакова Снежана Анатольевна
соискатель, старший преподаватель
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова»
г. Якутск, Республика Саха (Якутия)

ФОЛЬКЛОРНО-ЭПИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПРОЗЕ ХАНТЫЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ Е. АЙПИНА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «У ГАСНУЩЕГО ОЧАГА»)

Аннотация*: в статье рассматриваются фольклорно-эпические мотивы в повести известного хантыйского писателя Е. Айпина «У гаснущего очага».*

В процессе анализа, на примерах взаимодействия человека и природы, человека и рода автором определяется влияние традиционных форм эпоса на структуру произведения, его сюжет, соотношение времени и пространства, эпических образов и мотивов, способы их передачи в тексте повести.

Ключевые слова*: фольклор, эпос, миф, эпический мотив, циклизация, хантыйская литература, Айпин.*

Обращение к традициям устного народного творчества в прозе малочисленных народов Севера является актуальным и играет важную роль в развитии и сохранении национальных литератур.

Художественно-эстетическая особенность произведений хантыйских писателей заключается в их глубокой связи с фольклором, сохранившим архетипические основы народных представлений.

Письменность народа ханты сложилась к 30-м годам XX века. Вся история народа, его прошлое отразилось в преданиях, сказаниях, героическом эпосе, в обрядах и обычаях. Устное творчество народа ханты отражает его духовность, мудрый ум, национальный дух, мировоззрение.

Ряд исследований посвящен анализу фольклорных традиций в хантыйской литературе. Так, автор монографии «Хантыйский фольклор: история изучения»

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

(2000) Т.В. Волдина подчеркивает: «Все духовное богатство народа отражено в фольклоре. В мифах, легендах, сказках, песнях, преданиях, загадках, пословицах проявляется душа народа, его многовековая мудрость, его язык и история» [2, с. 3].

В работах исследователей (Н.Г. Михайловская, А.В. Пошатаева, В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Е.С. Роговер и др.) представлены жанры хантыйского фольклора, к которым относятся молитвы и сказки, поверья, сказания и песни, мифы, легенды и предания, остяцкие былины. Ученые также определяют подкатегории священных сказаний и песен – миф, героических песен, старинных рассказов и сказаний – эпос, предание.

Фольклор народа ханты выработал свой эпический канон (сюжеты, образы, мотивы, традиционные формулы, обозначение времени, пространства и т. д.) и стал частью хантыйской литературы, гармонично влияя на мировоззрение писателей, отраженное в тексте художественных произведений. Писатели в первую очередь опираются на мифологические сказания, эпические и личные песни, богатырские сказки, которые сохранились в культуре народа в живом бытовании.

Эпические мотивы в творчестве Еремея Айпина занимают особое место и являются актуальными прежде всего из-за их глубоких связей с фольклором. Близость к народным истокам, к фольклорно-эпическим традициям побудила писателя обратиться к богатому наследию родного народа.

В своих произведениях Е. Айпин по-новому передает сюжеты эпоса, его проблематику, образы героев, понятия родства и дома, соотношение времени и пространства. Художественная структура эпоса в прозе писателя, осваиваясь, начинает изменяться и обретать новые формы и смыслы.

Отсюда следует цель нашего исследования – на примере анализа текста повести «У гаснущего очага» (1998) показать трансформацию фольклорно-эпических традиций в структуре произведений Е. Айпина.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Попытаемся это выяснить по двум параметрам: на примерах взаимодействия «человек – природа» и «человек – род».

Анализируемый текст состоит из нескольких небольших глав: «Весна», «Лето», «Осень», «Бог и Богиня», «Шаманы и сказители», «Зима», «Боль», которые объединены идеей цикличности жизни. В этом и заключается специфика текста повести, цикличность которой проявляется, с одной стороны, в закономерной смене времен года, а с другой, все эти главы составляют один большой текст о повседневной, но не менее удивительной жизни семьи таежного охотника.

Отсюда следует, что композиция произведения имеет циклический характер, а циклизация, как известно, один из приемов эпического изображения. Автор усиливает мифологическое начало своей повести, используя пространство и круговое повторение уже имевших место ситуаций.

Повторяемость выражается и в постоянных эпитетах. Например, в таких эпических деталях описания внешнего облика героев – Бабушка «сидит, как царица. Высокая. Неторопливая. Грациозная», волосы ее «белые-белые, как перо халея», а глаза «излучающие тепло очи». Выразительна и ее речевая характеристика, музыкальность ее интонаций – «я медленно плыву по волнам ее голоса и многое-многое узнаю»; крестный, старец Ефрем представляется герою «центром Среднего Мира, Земли и Неба и всей Вселенной»; образ Мамы, как «Земля добрая и справедливая» или «Золотая Богиня Огня», или «птица, у которой тоже имеется выводок» [1, с.10, 11, 12].

Портретная характеристика главных героев дается автором в начале повести, основные черты их внешнего облика и нравственные качества дополняются по мере развития действия. Это также связывает повесть Е. Айпина с эпической традицией.

Все события, происходящие в жизни героев повести, описываются в пространственно-временной последовательности с ориентировкой на прошлое. Время в повествовании циклично, – действие начинается с сумерек, затем

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

мальчик просыпается на следующий день и снова встречает заход солнца, – и связано с пространством. Повествование начинается с определенного места – дома, в центре которого очаг. Очаг – это вполне определенный бытовой предмет, но в культуре хантов – это образ, символ, центр дома, который являет собой модель мира, вселенной. Поэтому расширение пространства начинается от дома к сельской местности, затем к тайге, потом к огромной стране, и наконец к космосу – «солнце приходит в свой дом, где его ждут дети» [1, с. 15]. Воспоминания из детства героя, которые распространяются не только на семью, ее бытовые реалии, но и на дальних родичей, колхоз, Белого и Красного царя, уводят в глубь веков через общение с бабушкой и крестным.

Так повесть по временному и пространственному охвату перерастает в эпопею о народе ханты.

Описание природы также имеет циклический характер. Природа в повести представлена широко, разнообразно и многогранно. В пейзажных описаниях наблюдается постоянная смена картин и образов природы, их эмоциональная окраска. Циклический характер движения эпического времени и пространства передается сменяющими друг друга картинами природы. Сезонная символика природы представляет событийный ряд, движение сюжета.

Так, например, цикл «Весны» характеризуется как начало жизни, расцвет и познание чего-то нового. В этой части произведения герой еще совсем ребенок. Его мать рассказывает неопытному мальчишке о том, что вся земля на ночь засыпает. Нельзя тревожить громкими криками и разговорами засыпающую природу. Малыш уясняет золотое правило поведения человека в отношении окружающего мира, которого нужно придерживаться всю жизнь, – слышать землю. А вот в разделе «Лета» мы видим взросление юного героя и снова слова Мамы становятся для него значимыми: «Однажды придет время – и ты первым начнешь встречать первую воду» – эти слова рождают уверенность в непрерывности жизни, в которой существование осуществляется «от одной воды до другой, от одной весны до другой», и ребенок понимает, что «можно жить дол-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

го-долго, можно жить вечно-вечно» [1, с. 60]. Эта цикличность подчеркивает непрерывность жизни, ее связь с природным миром.

Отношение человека к природе, как к прародительнице всего живого, проявилось в представлении народа ханты в том, что, «подобно плоду, связанному пуповиной с матерью, все, рожденное землей, связано с ней невидимой нитью» [4, с. 36]. Несомненно, человек, рожденный в природе, живет в тесном контакте с ней, но все главные события в жизни ханта – рождение, свадьба, приобретение дома, похороны и т. д – получали смысл лишь в соответствии с жизнью рода.

В работе В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной «Знакомьтесь: Ханты» находим следующие записи: «Когда в хантыйской семье появлялся на свет новый человек, здесь его ждали сразу четыре мамы. Первая мама – которая родила, вторая – принявшая роды, третья – та, что первой подняла ребенка на руки, и четвертая – крестная мама» [3, с.14]. Социальная функция женщины у народа ханты, ее роль жены, матери и члена рода была достаточно высока. Мы находим тому подтверждение на страницах повести. Ведь это она ежечасно передает сыну свои знания жизни, веру предков, обычаи своего народа.

В воспоминаниях о Маме автор часто сравнивает ее с Золотой Богиней Огня, которая своим теплом согревает и поддерживает его, своего сына. Поскольку Золотая Богиня Огня очень похожа на Маму героя, он видит «оборачивание» первой во вторую, ждет появления из пламени умершей Мамы, слышит ее защищающий шепот. В этом сравнении автор использует эпические детали описания, связанные с мифологическими сказаниями о хантыйских богах и возводит ее до ранга хранительницы. Именно с Мамой, как показывает автор, устанавливаются первые духовные связи, которые придают ребенку силу, вдохновение, стремление жить. И память об этих мгновениях подтверждает, что человек не один на земле.

Родившись, главный герой получил имя деда по отцу – Роман. Ханты никогда не давали имена случайно. Обычно они называли ребенка именем какого-нибудь родственника, прожившего долгую жизнь и уважаемого за его добрые

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

дела. В повести герою дали имя деда, чтобы Роман вырос таким же благородным, отважным и сильным, чтобы его «...сердце стало таким же трепетным и чутким к людской печали и радости» [1, с. 11–12]. Так автор, используя обычаи и традиции своего народа, показывает нам еще один из примеров духовного взаимодействия человека с родом.

Следующий пример отношения человека с родом, когда у ребенка появляется крестный – столетний старик Ефрем, родной брат его деда.

По поверью ханты, ребенку переходила и судьба выбранного в крестные человека, его мужество, отвага, мудрость, жизнепонимание, благородство, доброта. Все самое лучшее должен унаследовать маленький ребенок, в частности герой данной повести. О.К. Лагунова пишет: «Время не разъединяет людей. Оно позволяет каждому ощутить себя частью целого, началом одного и продолжением другого» [4, с. 73].

Мысль об единении чрезвычайно дорога автору, так как у народа ханты есть поверье, что все едино в этом мире – все живое на Земле и Небе. Мощная энергия веры в единство всего живого на Земле наполняет внутренний мир героев образами и светом многих предшествующих поколений.

Это еще один момент в данном произведении, в котором прослеживается цикличность композиции – беспрерывный переход из поколения в поколение могучего опыта предков, благодаря которому и живет род.

Таким образом, изучение эпических мотивов повести Е. Айпина «У гаснущего очага» позволило обнаружить очень важные связующие духовные нити человека и природы, человека и рода, раскрывающие фольклорно-мифологическую основу произведения Е. Айпина. Имеющиеся в повести взаимосвязи и совпадения с эпическим произведением говорят о том, что автор, соблюдая все установленные эпические каноны (сюжет, мотив, типы героев, обозначение времени, пространства и т. д.), очень грамотно и гармонично перекладывает их в пространство художественного текста, а интерпретация мотивов завершается авторской идеей и философией.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Список литературы

1. Айпин Е.Д. У гаснущего очага. Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. – Екатеринбург: Среднеуральское книжное издательство, 1998. – 256 с.

2. Волдина Т.В. Хантыйский фольклор: история изучения. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 258 с.

3. Кулемзин В.М. Знакомьтесь: ханты / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина. – Новосибирск: Наука, 1992. – 136 с.

4. Лагунова О.К. Интуиция дороги в повестях Е. Айпина // Космос Севера. Вып. 2. – Екатеринбург, 2000. – С. 69–75.

5. Мифология хантов / сост. В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Т.А. Молданов [и др.]; науч. ред. В.В. Напольских. – Т. 3. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 23.

6. Михайловская Н.Г. Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока. – М.: Наука, 1984.

7. Пошатаева А.В. Литературы народов Севера (Истоки. Становление. Развитие). – М.: Наука, 1988. – 168 с.

8. Роговер Е.С. Из истории хантыйской литературы // Литература народов Севера / под ред. проф. Е.С. Роговера. – Вып. 5. – СПб.: Шатон, 2006. – С. 21–32.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)